

Секция 3
Современный миропорядок и международные
отношения на рубеже XX-XXI вв.: вызовы и ответы

УДК 621.039+94(519)

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА
КАК СЛЕДСТВИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГЛОБАЛЬНОГО
МИРОПОРЯДКА

Асмолов Константин Валерианович,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра корейских исследований
Института Дальнего Востока РАН,
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32.

Кризис, связанный с ракетно-ядерной программой Корейского полуострова, длится более пятнадцати лет, и невозможность его разрешить проистекает из неверного позиционирования. Действия КНДР по созданию ракетно-ядерного потенциала и ее желание сравняться с членами ядерного клуба - это не причина кризиса, а следствие более глобальных проблем, отражающих переход от привычного миропорядка к новому. В этом контексте для того, чтобы действительно добиться деуклеаризации полуострова, требуется радикальное изменение геополитической обстановки в США. Пока для таких изменений нет возможности, российско-китайский вариант «двойной заморозки» является не идеальным, но наиболее приемлемым решением.

Ключевые слова: ядерная проблема Корейского полуострова, кризис компетентности, изменения архитектуры безопасности, ядерное оружие

THE NUCLEAR PROBLEM OF THE KOREAN PENINSULA AS A CONSEQUENCE OF CHANGES IN THE GLOBAL WORLD ORDER

*Asmolov Konstantin V.,
Ph.D. (History), Leading Research Fellow,
Korean Studies Center,
Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS),
32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation;*

The crisis related to the nuclear missile program of the Korean Peninsula has lasted for more than fifteen years, and, in the author's opinion, the inability to resolve it originates from wrong positioning. The DPRK's actions to build a nuclear strength are not the cause of the crisis, but the consequence of more global problems that reflect the transition from the world order we are familiar with to a new one. In this context, in order to truly achieve the denuclearization of the Peninsula, a radical change in the geopolitical situation in NEA is required. And while there is no possibility for such changes, the Russian-Chinese version of "double freeze" is not ideal, but the most acceptable solution.

Key words: Korean Peninsula nuclear issue, crisis of competence, changes in the security architecture, nuclear weapons

Кризис, связанный с ядерной проблемой Корейского полуострова (ЯПКП), длится более пятнадцати лет, и, за это время Северная Корея превратилась в ракетно-ядерную державу, чей потенциал уже не подвергается сомнению. Проблема выглядит неразрешимой, и ни шестисторонние переговоры 2003-2009 годов, ни «олимпийское потепление» 2018-2020 годов не смогли решить вопрос полностью. Традиционный западный дискурс возлагает ответственность на Пхеньян, однако ЯПКП – это не причина регионального кризиса, а следствие целого ряда изменений, происходящих в мире после окончания «холодной войны» и распада восточного блока.

У ситуации, которая стала причиной ЯПКП, есть несколько характеристик. Одна из них – разочарование в ценностях глобализации, надежды на которую не оправдались.

Напомним, что после распада Восточного блока в работах вроде «Конца истории» Фукуямы [5] пропагандировался тезис о том, что все люди мира одинаково готовы мгновенно воспринять демократию и проблема только в том, что этому желанию препятствуют авторитарные режимы. Стоит только убрать эти режимы, и массы немедленно начнут строить демократию, - и в скором времени построят ее. В рамках такой концепции режим КНДР уже рассматривался как временное явление, которое должно пасть.

Этот тезис стал основой новой политической этики, построенной на «демократических ценностях», но прошло уже почти 30 лет, а всеобщего процветания не случилось. Разделение Восток-Запад сменилось на разделение Север-Юг. Ярких рывков из третьего мира в первый тоже не произошло. Зато мир получил несколько ярких примеров того, что после свержения авторитарного режима в стране отнюдь не воцаряются немедленные демократия и благорастворение.

При этом адепты веры в демократию и глобализм как универсальное и показанное всем общественное устройство присвоили себе право считать, насколько то или иное антивластное движение является демократическим и потому обязано победить.

При этом такому «праву судить» есть два варианта объяснения. Первое заключается в том, что решение, кто демократ, а кто нет, принимается по сугубо формальным и внешним признакам наподобие упоминания слов «демократия» и «толерантность», использования в агитации социальных сетей или активной антикоррупционной риторики. Второе хуже – у представителей истинно демократических стран есть имманентная способность определять, кто демократ, а кто нет. Более того, в рамках двойственной логики если какой-то режим признан Соединенными Штатами недемократичным, то те, кто против него выступает – по определению демократы, которым надо оказывать поддержку.

При этом если бы Соединенные Штаты и их союзники действительно были озабочены проблемой прав человека вообще, а не использовали бы ее как способ давления на конкретные страны, мы бы наблюдали давление на Саудовскую Аравию и ряд других режимов, не уступающее давлению на КНДР.

Проявлением этого же тренда является появление понятия «страна-изгой»: все равны, но некоторые менее равны, чем другие.

В их отношении действуют презумпция виновности и нарушение бремени доказательства (обвиненная сторона должна предъявить доказательства невиновности а не обвиняющая – доказательства вины), их можно обвинять в «нарушении духа соглашения» и принимать по этому поводу меры, даже если формально никто ничего не нарушил.

С концепцией «страны-изгоя» связан целый ряд проблем. Во-первых, кто изгой, а кто нет, решают вполне определённые силы, при этом по достаточно условным признакам, а в случае с КНДР угроза ликвидации ее суверенитета отнюдь не является гипотетической. Хотя сегодня в Южной Корее преобладает прагматическая точка зрения, статьи конституции страны, которые распространяют территорию РК на весь полуостров и требуют от президента содействия объединению страны, никуда не делись. Кроме того, Закон о государственной безопасности трактует КНДР не как страну, а как антигосударственную организацию.

Выбор средств тоже далеко не всегда ограничивался этичными: в 1994-1998 годах президент Ким Ён Сам и его администрация приложили максимум усилий для дестабилизации обстановки в КНДР в условиях «Трудного похода». Один из южнокорейских чиновников открыто говорил автору, что Сеул выступал за неказание гуманитарной помощи голодающей стране в расчёте на то, что голод вызовет массовые беспорядки и демократическую революцию.

Во-вторых, статус «страны-изгоя» как бы выводит страну из правового поля. Де-факто она теряет право на международный арбитраж и возможность использовать организации типа ООН в качестве своего рода третейского суда. Здесь можно вспомнить резолюции СБ ООН, запрещающие КНДР запуск любых баллистических ракет, что, кстати, нарушало иные документы ООН, гарантирующие все право на мирное освоение космоса.

Неудивительно, что у стран-изгоев растёт уверенность в том, что поелику ООН, МУС и т. п. будут решать проблемы не по справедливости, а из соображений политической конъюнктуры, нет смысла пользоваться данными структурами ни как местом для переговоров, ни как местом для арбитража. ООН и Ко воспринимаются уже или как сборище болтунов, или как непонятный реликт прошлого, или как протезе конкретного блока, не имеющие права претендовать на роль выразителя взглядов всех стран.

В-третьих, нарушение договорённостей со страной-изгоем считается не вероломством, а военной хитростью. Хорошим примером такого подхода являются как Рамочная договоренность 1994 года, так и принятое в 2005 году Совместное заявление стран-участниц шестисторонних переговоров. Хотя Северная Корея выполнила свою часть обязательств по Рамочной договорённости, в Соединённых Штатах она не была ратифицирована Конгрессом, что с самого начала дало Вашингтону право не выполнять свои обязательства, одновременно требуя, чтобы Север выполнял свои. В итоге второй виток ядерного кризиса начался тогда, когда окончательно стало ясно, что реакторы на лёгкой воде не будут построены, а остальные элементы соглашения пересмотрены в одностороннем порядке, когда Клинтона сменил Буш. Похожая ситуация сложилась после 2005 года, когда Япония сразу заявила, что не будет выполнять соглашение, сославшись на проблему похищенных, а Соединённые Штаты под надуманным предлогом попытались отрезать КНДР от мировой финансовой системы. Надуманность здесь проявлялась в том, что деньги в банке Delta Asia были заморожены не на основании расследования, а благодаря Патриотическому акту, который позволяет в чрезвычайной ситуации сначала заморозить активы вероятных злодеев, чтобы те их не вывели, а уже потом начинать расследование.

Иными словами, политика, основанная на этике, применяется только между своими. В отношении идеологических противников, особенно объявленных патентованным Злом, хороши все средства. Так мы получаем разрушение политического компонента системы международного права и, если угодно, выпадение политических скреп.

Вторая черта нового миропорядка - кризис компетентности, касающийся как принимающих и готовящих решения чиновников, так и аналитиков/экспертов, из-за чего качество решений существенно снизилось.

У этого явления есть несколько причин. В первую очередь, это отсутствие вызова, которое влияет на критерии отбора. В период холодной войны наличие явного вызова в лице Восточного блока требовало поддержания среди западных чиновников, разведчиков, аналитиков и т. п. определенного уровня ответственности и компетентности. Но отсутствие равных противников после 1991 г.

породило упоение победой, запустившее целый ряд неприятных процессов, связанных не только с общим разрастанием бюрократии (и связанных с этим законов Паркинсона[2]), но и падением ее качества.

«Профилирующими компетенциями» для чиновника сегодня оказываются не столько профессиональные, сколько обеспечивающие карьерный рост: для того, чтобы сделать карьеру в большой структуре, требуется играть по правилам структуры. И если наиболее важным для карьеры является «умение писать безукоризненные отчеты», то преуспевать будет не тот, кто умеет решать проблемы, а тот, кто умеет писать красивые отчеты о том, что проблема решена.

Вторая причина кризиса компетентности - особенности устройства политической системы ряда стран, где при выработке решений на первый план выдвигаются не их последствия, а то, как отреагирует общественное мнение или международное сообщество. Но чем больше политик зависит от общественного мнения, тем сложнее ему продать свое видение проблемы, если оно радикально противоречит массовому взгляду.

Аналитиков описанное выше касается так же, как и чиновников. Судя по ряду признаков (хотя бы материалы исследовательской службы Конгресса, которые обильно приводит Викиликс[3]), некомпетентный лодырь на месте аналитика – явление чрезвычайно распространенное.

В результате в этой среде нередко самокопирование дискурса или, хуже того, ситуация, когда аналитик не просто превращается в пропагандиста, но сам верит в то, что пропагандирует, «загипнотизировав сам себя». Вспомним, как почти каждая новость на северокорейскую тему в СМИ РК завершается чем-то вроде «это свидетельствует о глубоком кризисе режима».

В результате мы получаем целый блок следствий:

- способность государств быстро и эффективно решать сложные/комплексные проблемы в целом снижается;
- «проблему надо решить» понимается как «надо разработать программу по решению проблемы, причем проводить ее в жизнь и отвечать за неудачи буду не я»;

При этом в северокорейском случае низкое качество и ангажированность экспертов дополняются ограниченностью методов

изучения КНДР, которые доступны среднестатистическому западному аналитику. Первый метод – это изучение официального северо-корейского контента, в который входят и документы, и иные разнообразные тексты, в том числе художественная литература, лозунги и пропагандистские плакаты. Однако для их понимания надо хорошо понимать внутривластительский контекст и читать между строк. Этот навык хорошо развит у российских/советских и китайских специалистов, которые жили в условиях системы похожего типа и могут представлять себе, что в Северной Корее возможно, а что нет. Однако без понимания деталей можно прийти к неверным выводам. Кроме того, официальная пропаганда режима априори воспринимается как пропаганда, не заслуживающая доверия.

Второй метод изучения – анализ спутниковых снимков, однако сверху видно далеко не всё, а то, что видно, открывает возможности для разных интерпретаций. В рамках подобного подхода, например, любой подземный или промышленный объект непонятного назначения на всякий случай маркируется как связанный с ракетно-ядерной программой.

Третий метод – это общение с перебежчиками, причём, как правило, вместо опросов большого количества рядовых беженцев эксперты общаются с ограниченной прослойкой так называемых карьерных перебежчиков, которые, по сути, зарабатывают на жизнь продажей страшных сказок. И хотя история с разоблачением Син Дон Хёка в конце 2014 – мае 2015 годов должна была научить экспертное сообщество воспринимать подобные истории с определённой долей скепсиса, де-факто этого не произошло.

Четвёртый метод – это пхеньянология как разновидность «кремлюнологии», когда выводы делаются по косвенным данным, и влияние того или иного чиновника рассчитывается по тому, как далеко он находится от вождя на фотографиях или в списке упоминаний.

Подобная ситуация приводит к тому, что на основе неверных данных принимаются неверные решения.

Еще один феномен автор выделил бы в отдельный подраздел, хотя это скорее следствие кризиса компетентности. Он называет его наступлением «мультипликативной реальности», - определенные политические или социальные практики, ранее зарезервированные для подобного жанра и, во многом, связанные с «упрощением моделей», начинают активно использоваться в текущей реальности.

Условно говоря, на фоне кризиса компетентности мы получили людей, воспитанных боевиками. В дополнение к этому аналитики и эксперты окончательно превращаются в трансляторов дискурса и выдают лицам, принимающим решения, рекомендации, основанные не на реальной картине мира, а на «правде» из собственной головы. Особенно это касается стран-изгоев, аргументация в отношении которых строится на том, что формулировка «мы не можем исключать» приравнивается к наиболее вероятному варианту развития событий.

В рамках «мультяшного» дискурса можно вести дискуссии, является ли Ким Чен Ын безумным тираном кровавым в стиле Саддама или же коварным тираном а-ля Маккиавелли, но мысль о том, что он может радеть о благополучии подданных, оказывается табуированной. То же самое мы видим при попытках объяснения причин «олимпийского потепления, которое было инициировано Северной Кореей. В их числе могут фигурировать чрезвычайная экономическая ситуация (Кима прижали санкциями так, что он завертелся) или то, что он вознамерился вбить клин между Вашингтоном и Сеулом, но вариант, при котором он хочет мира, а ЯПКи воспринимается как средство сдерживания, не воспринимается.

Вообще, КНДР - один из лучших примеров «превращения в Мордор». На ее опыте лучше всего видно, как режим Северная Корея превращается в свою мультяшную копию, внутри которой любая безумная новость находит свою аудиторию. И если история со смертной казнью Чан Сон Тхэка через заедание собаками была довольно быстро разоблачена, то не менее фантастические истории про кастрации и убийства детей-инвалидов вполне на слуху.

Но это означает, что любые попытки наладить коммуникацию натываются на то, что вместо настоящей Северной Кореи в них фигурирует выдуманная, а это означает, что, в отличие от конфронтации, попытки договориться, изначально осложнены.

Наконец, отметим замену силы права правом силы и то, что у молодого поколения политиков нет страха перед Большой Войной. Оно не помнит ее даже по рассказам родителей, ориентируясь скорее на киношные штампы.

Другой современный образ войны – конфликты третьего мира, в которых либо «дикари» режут друг друга как и чем придется, либо большая держава воюет с плохо подготовленным и неци-

визированным противником, существенно ограничивая свой арсенал воздействия во избежание обвинений в геноциде. В таком типе боестолкновений нет того негативного травмирующего опыта массовых потерь, который сформировал у предшествующего моему поколению *modus operandi* «Лишь бы не было войны».

В сочетании с расколом единого правового поля замена силы права правом силы ведет к тому, что военный конфликт возвращается в список способов, приемлемых для достижения внутри- или внешнеполитических целей [6], а ориентация на поиск консенсуса больше будет не в приоритете. Точнее, консенсус будет рассматриваться как «вы сделаете все, что мы требуем, а потом мы подумаем, достаточно ли вы были искренними, чтобы мы сделали что-то в ответ». Собственно, так выглядели американские варианты денуклеаризации КНДР – сначала разоружение, а потом мы подумаем, снять ли санкции, удостоверившись, что он действительно полное и необратимое. Кроме того, «денуклеаризация», как оказалось, значит не собственно ядерное разоружение, а ликвидацию всего ОМП и ракетной программы в придачу.

В сочетании с тезисом о том, что в отношении стран-изгоев договоренности соблюдать необязательно, у нас возвращается разделение на «хорошую войну», когда действуют куртуазные правила сражения «между своими», и «плохую войну», в которой можно все: желающие могут сравнить как последствия штурмов Мосула и Алеппо, так и медиаосвещение этих штурмов.

И именно благодаря вышеперечисленному объявленная изгоем Северная Корея, не имеющая возможности прибегать к помощи международного арбитража, была вынуждена прибегнуть к мерам, которые позволяли ей дать асимметричный ответ на давление противника.

Разумеется, северокорейский ядерный потенциал, не позволяет выиграть ядерную войну с Америкой, но он создаёт достаточную вероятность того, что в случае конфликта КНДР может нанести неприемлемый ущерб даже не региональным союзникам США, а их континентальной территории. Эта вероятность, которую нельзя не учитывать и которую пока нереально эффективно купировать, является сильным останавливающим фактором для «ястребов».

При этом можно обратить внимание, что несмотря на внешние признаки милитаризованного государства, в Северной Корее перешли от политики приоритета армии к приоритету экономического

развития страны, что позволяет КНДР на минимальном уровне справляться с санкционным давлением и готовить экономику страны к существованию в условиях санкций. Еще в 2016-2017 годах новый облик Пхеньяна и существенное повышение качества жизни граждан были видны автору невооружённым глазом [1].

Таким образом, ядерная программа – это не столько способ дестабилизации существующего миропорядка, сколько реакция на угрозы, вызванные его изменением. Иное дело, что северокорейские попытки войти в ядерный клуб и обеспечить суверенитет противоречат сложившейся модели, при которой ЯО разрешено только пяти великим державам. Поэтому для добровольной денуклеаризации КНДР требуется коренное изменение политической обстановки в мире: исчезнет угроза – исчезнет и ответ на неё. А пока для таких изменений нет возможности, не идеальным, но наиболее приемлемым решением оказывается российско-китайский вариант двойной заморозки.

Список литературы

1. Асмолов К. В. Не только ракеты: путешествие историка в Северную Корею . Изд. Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского Москва, 2018.
2. Паркинсон, Сирил. Законы Паркинсона. Изд. «Прогресс», М., 1989. Available at: <http://lib.ru/DPEOPLE/PARKINSON/parklaws.txt>
3. Поленова А. Л. WikiLeaks о КНДР // Вестник российского корееведения. 2014, №6. С. 77-83.
4. Angell, Ralph Norman. The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage. //Энджелл Н. Великое заблуждение: Этюд об отношении военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу. Социум, 2009.
5. Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.
6. Luttwak, Edward. Give War a Chance (Foreign Affairs, July 1999) Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/55210/edward-n-luttwak/give-war-a-chance>
7. Speech at UN sees Trump threaten Pyongyang – as it happened. The Guardian, 19.09.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/world/live/2017/sep/19/donald-trump-united-nations-general-assembly-live-updates-news>